

Комарова Елена Викторовна

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СПЕЦИФИКИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

В статье рассматривается проблема определения специфики русской религиозности как составляющей русского менталитета на основании анализа имеющихся философских и культурологических концепций. Акцент сделан на выявлении основных черт религиозного сознания и его эволюции в начале XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/3/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 3 (4). С. 84-87. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СПЕЦИФИКИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Комарова Елена Викторовна

*Кафедра общественных наук
Беловский институт (филиал) Кемеровского государственного университета, г. Белово
Elena76_76@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения специфики русской религиозности как составляющей русского менталитета на основании анализа имеющихся философских и культурологических концепций. Акцент сделан на выявлении основных черт религиозного сознания и его эволюции в начале XX века.

Ключевые слова и фразы: менталитет; русская религиозность; православие; христианство.

В отечественной литературе давно укоренилась мысль о глубокой религиозности русского народа, его высоком предназначении. Историк и философ Л. П. Карсавин неоднократно отмечал «тяготение русского человека к абсолюту» и указывал на религиозность как на существенную характеристику русской духовности [Карсавин, с. 214]. Философ и религиозный мыслитель Н. О. Лосский в качестве основной, наиболее глубокой черты характера русского народа видел его религиозность и связанное с ней искание абсолютного добра, «которое осуществимо лишь в Царстве Божиим» [Лосский, 2001, с. 434]. На мессианское предназначение русского народа и его бесконечное искание «невидимого града-Китижа» указывал еще один известный отечественный мыслитель Н. Бердяев [Бердяев, с. 13].

Однако одной констатации религиозности русского народа не может быть достаточно. Для раскрытия ее содержания исследователям было необходимо определить уникальные черты религиозности православного русского народа. При этом в большинстве случаев исследователи четко разделяли последний на три категории: интеллигенцию, власть и собственно народ, под которым в первую очередь подразумевалось крестьянское население России. Исходным моментом выступало различие между этими слоями российского общества в состоянии религиозности как элемента духовной жизни.

Красной нитью в работах, посвященных истории русской культуры и духовности, проходит мысль об отрыве русской интеллигенции от национально-религиозных корней и народного мироощущения. Одновременно данный отрыв не рассматривается в качестве окончательного и абсолютного.

Говоря об особенностях мироощущения русской интеллигенции, выделялись такие ее качества как одержимость безрелигиозной идейностью, беспочвенность, неделовитость, тесно соседствующая со страстным стремлением к действию. Таковой представлялась исследователям русская интеллигенция на кануне революций 1917 г. Как видно из предложенных характеристик, сохраняя внутренне единые с народом духовные истоки религиозности, интеллигенция к началу XX в. теряет ее сущностное содержание. Место религиозности в духовном мире русской интеллигенции занимает идейность.

Анализ религиозности власти в силу ее светскости, а также доминирующего начала по отношению к церкви, интеллигенции и народу не представляется целесообразным. В данном случае можно вести речь лишь о религиозности индивидуальной, безотносительно к принадлежности данной категории.

Таким образом, подвергая анализу русскую религиозность, выделяя ее отличительные черты и своеобразие, в первую очередь рассмотрению подлежит религиозность именно народная, нашедшая полное воплощение в российском крестьянстве.

Священник, богослов и философ П. А/ Флоренский, анализируя русскую религиозность, указывал на ее очевидное своеобразие и сложность, порожденные самим историческим процессом складывания православной веры русского народа. По мнению исследователя, именно это определило такие области проникновения православной веры как Церковь, быт и природа. На основании анализа трех вышеуказанных областей выделялись и специфические черты русской религиозности: тождественность Церкви и верующих, перевес культа и обряда над этико-моральной составляющей христианского вероучения, консерватизм русского православия [Ельчанинов, с. 137-160]. В последствии взгляды автора претерпели изменения. В статье от 1923 г. он говорит уже об относительности религиозных и исповедных различий: «как бы ни были существенны различия исповеданий одной религии, они не уничтожают основной общности этих исповеданий. Точно также самые глубокие рвы между религиями не могут на столько разобщить их, чтобы окончательно распалось их коренное единство» [Флоренский, с. 228]. Меняются некоторые оценочные суждения мыслителя (в частности, обрядовое начало начинает расцениваться как попытка сместить «вселенскую церковность» на второе место или вовсе отставить ее прочь), вместе с тем основные характеристики русской религиозности в целом остаются прежними. Автор добавляет к уже названным чертам веру русского народа в собственную Богоносность и избранность по отношению к остальным народам.

На особое характерное переживание и понимание христианства у русского народа указывал в своих исследованиях и выдающийся русский ученый, историк и богослов А. В. Карташев. Исследователь в качестве определяющих выделял такие основные черты национального темперамента, как стихийность и страстность. Именно эта особая «широта» русской души сказалась на восприятии народом христианства, эволюциониро-

вав от насмешек и ненависти к самоотречению и радостному аскетизму. В результате возникала ситуация, когда умеренное и сдержанное отношение к православию становилось невозможным в силу внутренних характерных черт самой русской души и ее необузданной тяги к крайностям. Эта же особенность определила характерные черты восприятия народом православия [Карташов, с. 155-167]:

1. Христианство (православие) было понято народом в форме аскезы, отказа от мира в пользу монашества. Лишь это могло гарантировать верующему человеку посмертное райское существование, и именно поэтому в православии получило распространение среди благочестивых приверженцев веры принятие монашеского пострига перед смертью, так как только монашество выражало истинное христианство.

2. Церковь в русском религиозном сознании закрепила в качестве наиболее доступного пути к Богу. Пышность церковного уклада, его отличность от повседневного бытового устройства крестьянской жизни выступало гарантией близости к небесному. Образное мышление через и посредством иконы позволяло русскому религиозному сознанию сделать «невидимую церковь видимой».

3. Проникновение в повседневный быт народа отдельных явлений монастырского уклада и «церковной божественной красоты» - следствие значимости в духовной жизни крестьян образа монашества и церкви. В частности, выработалась привычка сопровождения молитвой и крестным знаменем всякого действия: отход ко сну и пробуждение, принятие пищи и питья, начало и конец всякого дела и т.д. Почти каждая зажиточная семья стремилась иметь свою собственную домовую церковь. И невозможно представить крестьянский дом без «красного угла», наполненного иконами – самого почитаемого места в доме. Церковная религиозность настолько тесно проникла в повседневный быт крестьян, что светскому приветствию входящий в дом всегда отводил второе место после поклонов и совершения крестного знамения по отношению к иконам, расположенным в «красном углу».

4. Ожидание конца истории со вторым пришествием Христа.

Для русского религиозного сознания не характерно европейское «исторически-идиллическое отношение к прошлому». Созерцание прошлого отодвигается на второй план устремленностью к грядущему. Эсхатологичность является важной составляющей русской религиозности, которая проникает даже за пределы православного сознания и обнаруживается во внецерковной русской интеллигенции, в русском сектантстве и даже «в безжалостном разрушении большевиками исторического, духовного наследия русской культуры как будто отражается эта привычка к катастрофам». Особой отличительной чертой русского религиозного сознания выступило и связанное с этим странничество по святым местам и монастырям в поисках «нового Иерусалима».

5. Суеверная приверженность литургическому слову и обряду приведшая к своеобразному «богоматериализму», т.е. особому физическому ощущению Бога в материи, материальных предметах, преображенных церковным освещением. Поэтому обрядоверие не может выступать подтверждением религиозного невежества русского народа или следствием его языческих суеверий. Это очередная уникальная черта восприятия православия сквозь призму русского религиозного сознания, нашедшего восприятие Бога во вполне земных святынях.

6. Распространение культа Пресвятой Богородицы, определяемого на уровне религиозного православно-го сознания необходимостью заступничества всепрощающей любви перед лицом Праведного Судии. Эта особенность православного восприятия Матери Божией нашла отражение и в русском иконописании: ее образ наделяется чертами зрелости, скорби и всепрощающей любви.

7. Важным моментом для раскрытия особенности православной религиозности является вопрос о любви к Богу. Осознание того, что Бог есть любовь, приводит православное сознание в первую очередь к постижению любви Божией к людям и лишь как ответной реакции – любви человека к Богу. В этом заключается причина смирения православного сознания и терпения в страданиях. Однако страдание не является целью самого себя и оправданно ожиданием торжества святости. Не случайно в русской культуре наряду с празднованием Рождества Христова максимальное выражение русская православная душа находит в праздновании Пасхи, Воскресении Христа.

Несколько иные особенности «религиозной психологии православной верующей души» раскрывал в своей статье, посвященной онтологии русского православного сознания, правовед, философ и социолог П. И. Новгородцев. Не ставя целью полностью перечислить все черты русского православного сознания, он выделял ту сердцевину, которая раскрывала, по мнению автора, главные составляющие русской религиозности [Новгородцев, с. 306-321]:

1. Созерцательность, как обращенность верующей души к Богу, сопровождающаяся отходом от земного (второстепенного) к Божественному и ставшая причиной своеобразной непрактичности русской души, ее оторванности от мирских дел в пользу Небесных.

2. Смирение, которое выступает в качестве осознания ничтожества человеческих сил.

3. Душевная простота, раскрывающаяся через представление об истине религиозной как простой и дающейся через простую наивную веру, без излишней учености и специальной подготовки.

4. Радость о Господе, связанная с укреплением в религиозном сознании радостной вестью воскресения Христа и нашедшем выражении в праздновании Пасхи.

5. Потребность внешнего выражения религиозного чувства, связанная с возможностью приобщения к Божией благодати посредством церковной службы, таинств и священнодействий/

6. Чаяние Царства Божия, не достижимого здесь и сейчас, но потенциально возможного при «определенных чудесных условиях».

В середине XX в. проблемой раскрытия содержания русской религиозности занимался философ и религиозный мыслитель Н. О. Лосский. В работе «Характер русского народа» [Лосский, 1990, с. 54] основной чертой русской религиозности исследователь видел искание абсолютного добра и осуществление через него Царства Божия на земле. Русская религиозность рассматривалась им как религиозность мессианская, влекомая не жаждой власти, а примирением и любовью, и полное выражение которой могло быть осуществлено лишь в Русской православной церкви.

При всем многообразии составляющих черт русской религиозности можно выделить основные моменты, на которых останавливались исследователи религиозного поля русской души. К ним относится стремление к единению, общинность в миру и соборность в храме, преобладание обрядоверия, консерватизм, уверенность в существовании «более спасительного пути» за пределами обыденной жизни, эсхатологизм, смирение, представление о необходимости страдания как знаке богоизбранности, обращенность религиозного сознания к будущему.

Исследование русской религиозности нельзя считать полным без анализа еще одного направления в ее характеристике, т.к. предложенные взгляды на природу и сущность русской религиозности не являются единственными. Отечественная мысль предлагает и иные подходы к раскрытию ее специфики.

В. Соловьев отмечал, что русскому народу свойственно принижение духовного начала. В «Письме к Гоголю» В. Г. Белинский категорически высказывался о русской религиозности: «В русском народе много суеверия, но нет и следа религиозности. ...Религиозность не привилась в нем даже духовенству, ибо несколько отдельных исключительных ... ничего не доказывают». Спустя более чем полтора столетия подобной точки зрения придерживается и современный исследователь М. Д. Шевченко. Проанализировав развитие русской религиозности и выделив ее специфические этапы от мирозерцания древнерусских людей к религиозному сознанию россиян в период империи, исследователь приходит к выводу, что за всю историю христианства на Руси к началу XX в. русский человек так и не усвоил сути христианского вероучения. «Христианство за 900 лет (X – нач. XX вв.) не стало всеохватывающей русские души религией» [Шевченко, с. 242]. Возрождение духовности в отдельных слоях общества в начале XX в. рассматривается исследователем скорее как исключение на фоне тотального увлечения нигилизмом, позитивизмом, материализмом и утилитаризмом. И даже это запоздалое возрождение религиозности связывается автором более не с православием, а с мистицизмом, теософией, протестантизмом и т.д.

Исследователь В. Н. Брюшинкин, раскрывая суть феномена русской души, отмечал ее не сводимость исключительно к православию и церковности, так как даже в русской культуре присутствовали и присутствуют внецерковные формы [Брюшинкин, с. 34].

Не вступая в полемику с данными исследователями, представляется разумным исходить из тезиса о наличии к началу XX века в среде русского народа религиозности, как составляющей духовной сферы жизни общества, и обладающей рядом отличительных черт. Обращение же к анализу именно православной русской религиозности определяется самим ходом истории, так как именно православие получило широкое распространение среди русского населения и закрепилось в его сознании исторически. Одна из причин отказа исследователей видеть специфику русской религиозности заключается в попытках ее сравнения с христианской религиозностью европейцев, но отличный, особый, не означает не подлинный. Непохожесть русской православной религиозности на религиозность католическую или протестантскую, не означает еще ее поверхностность или отсутствие собственно русской религиозности, так как в данном случае имеет место различие менталитетов. Особый русский менталитет порождает и своеобразную религиозность русского народа. При этом происходит наложение глубоких ментальных структур сознания на историческую социально-экономическую, политическую и культурную ситуации, в результате чего мы имеем ту уникальную русскую религиозность, о которой говорили Вл. Соловьев, А. П. Карсавин, Н. О. Лосский и ряд других мыслителей.

Однако нельзя оставить без внимания и критичные отзывы о русской религиозности, так как последние принимают вполне осязаемые формы в контексте событий революционных лет и последующего советского периода истории. «Революция – и в этом ее последний, метафизический смысл – была мгновенным падением, внезапным, хотя и *многими процессами подготовленным* крушением народной веры. ...Вера в нагого Бога сразу, почти без перехода, как плюс бесконечность на минус бесконечность, перешла в *голое* циничское безбожие» [Степун, с. 16].

Исследователи неспроста задавались вопросом: как православный народ, народ - мессия мог в одночасье потерять веру, бережно хранимую и почитаемую в качестве основной духовной ценности на протяжении стольких веков? На этот счет высказывались самые разнообразные и зачастую противоположны мнения. Одни делали предположения об отсутствии глубокой внутренней религиозности русского народа, другие отмечали специфику его религиозного постижения действительности и видели причину падения веры в собственно внутренних, имманентных структурах народного сознания, третьи указывали на ряд внешних факторов, подготовивших падение русской религиозности в народных массах. Однако большинство исследователей едины в одном: события октября 1917 г. совпали с глубокими ментальными потрясениями, коренным образом изменившими религиозное сознание населения России. О кризисе народного духа и историческом затмении сознания говорил П. Б. Струве, о диалектическом срыве народной души рассуждал Ф. А. Степун, на глубокую трещину, вызванную революцией в народном сознании, указывал Г. П. Федотов.

Представляется несомненным, что в начале XX века происходил процесс изменения религиозного сознания, а значит и изменение религиозности населения, охватившее все слои общества. Формировались новые ментальные структуры на фоне ломки старых, и этот процесс не мог не повлиять на состояние сферы религиозности населения. При этом необходимо учитывать, что не революция оказалась основной причиной столь глубоких духовных изменений, произошедших в российском обществе. Революция скорее выступила в качестве катализатора и лишь ускорила уже происходившие ментальные изменения.

Можно отметить постепенный рост среди населения России к началу XX в. таких черт как индивидуализм, самосознание, рационализм, прагматизм. С установлением советского общества закрепление и развитие этих качеств сознания лишь усилилось. А традиционное для русской религиозности двоеверие породило своеобразную попытку на уровне менталитета закрепить две абсолютно разные системы религиозности: традиционную конфессиональную и внешне, психологически и формально, с ней совпадающую советскую идеологию.

Тем не менее, представляется возможным утверждать, что на протяжении первых самых сложных десятилетий существования советского государства процесс изживания конфессиональной религиозности властью не имел успеха. Религиозность, как качественная характеристика сознания, сохранялась. Вместе с тем, в сфере религиозности происходили определенные изменения, подготовленные всем ходом предшествующей истории и лишь усиленные революционными событиями 1917 г.

Список использованной литературы и источников

- Бердяев Н.* Судьба России: репринтное воспроизведение издания 1918 года. М., 1990.
Брюшкин В. Н. Феноменология русской души // Вопросы философии. 2005. № 1.
Ельчанинов А. В., Флоренский А. П. Православие // Православие: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001.
Карсавин Л. П. Сочинения / сост., вступ. статья и прим. С. С. Хоружего. М., 1993.
Карташов А. В. Русское христианство // Церковь. История. Россия: статьи и выступления. М.: Пробел, 1996.
Лосский Н. О. Религиозность русского народа // Православие: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. В. Ф. Федорова. СПб., 2001.
Лосский Н. О. Характер русского народа: репринт. издание: в 2-х кн. М.: Ключ, 1990.
Новгородцев П. Существо русского православного сознания // Православие: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент., словарь понятий и терминов, указатель имен В. Ф. Федорова. СПб.: РХГИ, 2001.
Степун Ф. Чаемая Россия / сост. и послесловие А. А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1999.
Флоренский П. А. Записка о православии // Православие: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. В. Ф. Федорова. СПб., 2001.
Шевченко М. Д. Религиозное сознание и духовная деятельность. М.: Издательский центр научных и учебных программ, 2000.

TO THE QUESTION OF THE DEFINITION OF THE SPECIFICITY OF RUSSIAN RELIGIOUSNESS

Komarova Elena Viktorovna

*Department of Social Studies
Belov Institute (Branch) of Kemerovo State University
Elena76_76@mail.ru*

Abstract. In the article the problem of the definition of the specificity of Russian religiousness as a component of Russian mentality on the basis of the analysis of existing philosophical and culturological concepts is considered. The accent is made on revealing the basic features of religious consciousness and its evolution in the beginning of the XXth century.

Key words and phrases: mentality; Russian religiousness; Orthodoxy; christianity.